

Всемирная история

Эренджен ХАРА-ДАВАН

**ЧИНГИСХАН
КАК ПОЛКОВОДЕЦ
И ЕГО НАСЛЕДИЕ**

Всемирная история (Вече)

Эренжен Хара-Даван

**Чингисхан как
полководец и его наследие**

«ВЕЧЕ»

1929

Хара-Даван Э.

Чингисхан как полководец и его наследие / Э. Хара-Даван —
«ВЕЧЕ», 1929 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8421-6

Э. Хара-Даван – прославленный калмыцкий врач, общественный деятель и просветитель первой половины XX века, яркий представитель так называемого евразийства, философско-политического направления, сторонники которого придавали особое значение связи России с кочевыми империями Евразийских степей. Именно здесь они видели истоки многих характерных особенностей уклада и менталитета русского народа. Особую роль в начале этого процесса сыграл, вне всяких сомнений, знаменитый воитель и создатель Монгольской империи Чингисхан – не только жестокий воин, но и основатель, законодатель и мудрый правитель государства, которое простерлось от Тихого океана до Средиземного моря. Труд о нем Хара-Давана, не профессионального историка, но образованного и мыслящего человека, был издан в Белграде в 1929 году, потом забыт на долгие годы и лишь в конце прошлого столетия вернулся из забвения, вызвав большой интерес.

ISBN 978-5-4484-8421-6

© Хара-Даван Э., 1929

© ВЕЧЕ, 1929

Содержание

Предисловие редакции к изданию 2018 года	6
Предисловие к 1-му изданию	8
Вступление	9
Часть I	14
I. Краткие сведения о монголах	14
II. Темучин	16
III. Женидьба Темучина и его мировоззрение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эренджен Хара-Даван Чингисхан как полководец и его наследие

© Хара-Даван Э., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие редакции к изданию 2018 года

Книга «Чингисхан как полководец и его наследие»¹ была написана очень давно, без малого столетие назад, и отпечатана в Белграде символическим тиражом на средства автора – Эренджена Хара-Давана. Он появился на свет в 1883 (1885?) году в одном из кочевий Малодербетовского улуса в Калмыцкой степи, в бедной семье калмыка Ики-Бухусовского аймака Давы, одного из подданных нойона Тундутова, получившего прозвище Хара за темный цвет кожи. Так появилась фамилия Хара-Даван, носители которой известны и в наши дни.

Рано проявивший способности мальчик учился за общественный счет, сначала (1892–1896) в улусной школе, а потом в гимназии в Астрахани. Летом 1904 года произошло событие, которое стало знаковым и сыграло особую роль в жизни молодого человека: он встретился с профессором Гельсингфорского университета Густавом Рамstedтом – лингвистом и дипломатом, специалистом по истории уральских, алтайских, корейского и японского языков, основоположником сравнительно-исторического монгольского и алтайского языкознания. Это пробудило в молодом человеке интерес к калмыцкому фольклору, который он начал собирать, впоследствии передав все материалы известному монголоведу Андрею Рудневу. Случилось это, когда он в 1906 году приехал в Санкт-Петербург с целью поступить в Медицинскую академию. С 1908 года Э. Хара-Даван стал вольнослушателем Военно-медицинской академии. Годы учебы стали для него не только временем получения профессиональных знаний, но и порой общественной активности, связанной с национальным возрождением калмыцкого народа. В 1911 году с дипломом врача Казанского университета Хара-Даван возвращается на родину и начинает работать по специальности, одновременно продолжая общественную деятельность.

В дни Февральской революции Хара-Даван выдвинул идею автономии Калмыкии, которая к 1918 году сделала его сторонником Советской власти. В мае 1918 года под его председательством прошел объединенный русско-калмыцкий съезд, на котором Хара-Даван выступал против обобществления земли и экспроприации скота у зажиточных калмыков. Однако решение об автономии калмыков откладывалось и откладывалось, в результате чего Хара-Даван отказался от поддержки новой власти. В марте 1920 года он добровольно оставил пост председателя Калмыцкой секции губисполкома и вместе с остатками белой армии покинул Россию, чтобы в итоге осесть в Сербии вместе со своей женой Сарой.

Э. Хара-Давану удалось уже к ноябрю того же года подтвердить свой медицинский диплом и вновь заняться врачебной практикой. Он работал врачом в разных местах, в 1923 году был принят в члены Врачебной коллегии Сербии, Воеводины и Срема.

Хара-Даван прилагает множество усилий, направленных на развитие самосознания калмыцкого народа, юношеский интерес к фольклору постепенно преобразуется в интерес к истории, которую он рассматривал в контексте взглядов евразийцев. Не случайно Э. Хара-Давана иногда называют единственным «азиатским евразийцем». Хара-Даван стал одним из членов созданной в Праге-Стражнице Калмыцкой эмиссии культурных работников, участвовал в работе над журналами «Хонхо», «Улан Залат» и др. В 1925–1934 годах он публикует ряд статей, названия которых говорят сами за себя: «Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа», «Пути развития национальной проблемы», «Монгольское национальное движение и национальные проблемы в Азии»...

«В действительности ступени развития “общечеловеческой”, т. е. романо-германской культуры не могут вместить в рамки своей схемы, например, всю историю монголов. Монголы со своим гениальным вождем Чингисханом в XIII в. вписали блестящие страницы в мировую историю. Будучи, по современным европейским учениям, на низшей ступени культуры как кочевники с родовым бытом и скотоводы, они создают сильную державу с хорошим админи-

стративным устройством и лучшим войском в мире того времени» («Евразийство с точки зрения монгола»).

8 января 1928 года в Белградском университете прошла лекция Эренджена Хара-Давана, названная им «Чингисхан и нашествие монголов в Европу». Именно это выступление, доработанное и расширенное, стало основой его главного труда, получившего название «Чингисхан как полководец и его наследие».

Личность Чингисхана постоянно привлекала внимание Хара-Давана, не случайно даже его сын был назван в честь великого завоевателя.

Новая волна интереса к личности и работам Э. Хара-Давана возникла уже в девяностых годах прошлого столетия. К ним обращаются такие известные авторы и общественные деятели, как Л.Н. Гумилёв, А.Г. Дугин, они посвящают свои публикации идеям и личности калмыцкого врача и общественного деятеля.

Несомненно, современная историческая наука во многом иначе смотрит как на личность Чингисхана, так и на последствия его завоеваний. Историки оперируют другой численностью войск и рядом деталей. Тем не менее взгляды, которых придерживался автор книги, тоже нельзя игнорировать: в них есть своя логика и своя доля правды. Каковы они именно и в чем заключаются – решать вам.

Предисловие к 1-му изданию

Историей монголов и их гениальным вождем, вписавшим блестящие страницы во всемирную историю, до самого последнего времени интересовался только узкий круг ориенталистов. Несмотря на то, что в русской истории есть особый период – монгольский, ему не придавалось особого значения, «казенными» историками этот период относится к числу «пустых» периодов русской истории, несмотря на тот исторический факт, что из этого периода вышла Московская Русь, как из материнского лона. Не существует также специального исторического труда на эту тему.

Только за самые последние годы ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, стали внимательно разбираться в разных восточных влияниях на русскую историю, культуру и быт, и им отчасти удалось разбить «предубеждения и предрассудки европеизма», с которыми трактовался этот вопрос до них, и тем самым заинтересовать широкий круг русской интеллигенции, чего не удавалось сделать нашим ориенталистам.

В первую очередь этими вопросами должны заинтересоваться сами представители народов Востока и кочевого мира, населяющих великую степь от восточных предгорий Кавказа и до китайской границы на севере и западе.

«Познай самого себя» и «будь самим собой» – вот лозунги, которыми мы должны руководствоваться после неудачных копирований духовной культуры Европы, приведших в тупик Россию теперь, начиная от Петра I до наших дней.

Желая удовлетворить появившийся интерес к «исходу на Восток», я приступил к этой работе в ознаменование 700-летия смерти Чингисхана (1227–1927).

Заглавие этого труда взято такое потому, что от Чингисхана начинается блестящее выступление на историческую сцену монголов, а у их вождя над талантом государственного деятеля сиял военный гений, между тем он как полководец еще никем не описан.

Военный отдел настоящего труда составлен известным в военной литературе специалистом-академиком, которым также проредактированы и остальные главы в военном отношении, за что приношу ему благодарность.

Этот труд также просмотрен в рукописи профессором-монголоведом Вл. Котвичем, поправки и замечания которого приняты к сведению, в особенности в начале и конце труда – средние главы этого труда он, к сожалению, не успел просмотреть, так как этому помешала его серьезная болезнь.

Выражаю здесь глубокоуважаемому профессору свою сердечную благодарность.

Автор.

Белград, 1929

Вступление

Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей, источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая около миллиарда человеческих существ, – такова Азия.

На протяжении многих веков она оставалась погруженной в нечто вроде мистического оцепенения, презирала действие, относилась безразлично к прогрессу в тех материальных формах, как мы его понимаем, уделяя внимание только работе ума и философским построениям.

И вот она проснулась и во всех своих частях поднимается, враждебная Европе и Америке...

Сознавая скрытую силу, заключающуюся в ее многочисленном и буйно размножающемся населении, охваченная расовой гордостью, побуждаемая презрением к белым, она настойчиво требует восстановления своих территориальных прав и своего суверенитета.

Что готовит нам родившийся паназиатизм? Административная и военная плотина, воздвигнутая русскими императорами на началах идей древней Римской империи, – плотина, составлявшая истинную границу между Европой и Азией на пространстве от Черного до Желтого моря, в настоящее время пала...

Новая Россия колеблется под влиянием разнообразных импульсов своей наследственностью. Займет ли она снова место среди народов Запада для общей работы по возрождению христианской цивилизации? Вернется ли она мыслью и делом в Азию, пошлет ли своих сынов под предводительством нового Чингисхана на завоевание «гнилого Запада»?

Ее евразийцы уже решительно отмежевываются от упадочной культуры Западной Европы с ее «воинствующим экономизмом» и поворачиваются лицом к Востоку, к его религиозным культурам с их «подчиненной экономикой», чтобы обосновать пути зарождения новой эпохи самобытной культуры – Евразии, наследницы Монгольской империи XIII–XIV вв.

«Возможно ли, что мы переживаем “сумерки Западного мира”, наступление которых возвестил немецкий философ Освальд Шпенглер?»

Может ли стать, что Европа будет низведена к роли небольшого мыса огромного Азиатского материка, как вопрошал себя недавно французский поэт Поль Валери?

Нам скажут, что это химера. Однако я сейчас покажу, что уже был такой момент в истории, когда эта химера облеклась в плоть и кровь и когда она на коне и во всеоружии опрокинула тяжеловесное европейское рыцарство, – момент, когда Запад был покорен политическим и военным гением, о существовании которого он и не подозревал»².

История сохранила нам следующие данные об этих событиях.

На север от Великой Китайской стены и Туркестана, в современной Монголии и южной степной полосе Сибири, в XIII веке возникает Монгольская держава. Быстрое образование обширной кочевой империи в истории Средней Азии не представляет чего-либо необычайного. Приводившие к такому результату народные движения вызывались различными причинами, преимущественно экономического характера, и при условиях кочевого быта быстро распространялись на тысячи верст, охватывая целый ряд племен и народов, пока не встречали какие-нибудь трудноодолимые естественные преграды. Такие среднеазиатские державы образовались во II и в IV веках по Р. Х. – первой была империя гуннов, второй – тюркская империя, но обе они ограничились объединением кочевых народов и захватом только немногих культурных областей, всегда находившихся под ударами кочевников.

Движению кочевников от Великой Китайской стены до Венгерской равнины и от Азиатских гор в Персию и Индию способствовало травянисто-степное пространство и «конно-железная» кочевая культура, связанная с обузданием коня и употреблением железа³.

Эта великая равнина служит «месторазвитием кочевой культуры», имеющей около трех тысяч лет исторической давности от появления скифов в VII веке до Р. Х. и до наших дней.

«Единство кочевой культуры на всем протяжении степей определяется не только общим укладом жизни, но и общим характером быта, общественного строя, художественных вкусов, политических форм, религиозных представлений и глубоко отличается в существе своем от культур оседлых и земледельческих»⁴.

Только мировая монгольская экспансия быстро охватывает всю Азию, за исключением Японии, Индостана и Аравии, перебрасывается в Европу и сокрушающим натиском монгольской конницы докатывается до Адриатического моря. Так образуется Великая Монгольская империя от устьев Дуная, границ Венгрии, Польши и Великого Новгорода до Тихого океана и от Ледовитого океана до Адриатического моря, Аравийской пустыни, Гималаев и гор Индии.

Эта империя не имеет себе равных по величине в мировой истории: границы ее, начертанные кривой саблей монгольской конницы, превосходят границы, начертанные копьями македонских фаланг Александра, мечами римских легионов и пушками Великой армии Наполеона⁵.

Кто был этот «безвестный и чужой» народ? Кто был его грозный вождь Чингисхан?

На эти вопросы европейские историки даже теперь, после 700 лет мало что могут ответить. Это объясняется тем эгоцентрическим мировоззрением европейцев, по которому их «романо-германская» культура считается высшей, «общечеловеческой», культура же народов Востока признается низшей, так как она не похожа на их культуру, а потому и европейские ученые вообще не интересуются историей Востока, вождь же их Чингисхан является в их глазах «варваром».

Нет! Азия не лист белой бумаги, а древняя книга мудрости! Только после того, как европейская цивилизация привела в тупик, называемый Европейской войной и Русской революцией с их небывалыми жестокостями и массой человеческих и материальных жертв, перед которыми блекнут жестокости «варвара» Чингисхана и даже пирамиды черепов Тамерлана, отдельные умы в Европе пришли к заключению, что европейская цивилизация после XIX века во всем, кроме техники, идет к упадку и что ее ждет участь старых культур греков и римлян.

Упадок ускорится еще больше одной-двумя бойнями народов, проведенными по высшим достижениям европейской культуры в области техники с удушливыми газами и бациллами заразы.

О Чингисхане и империи монголов мы можем узнать главным образом из трудов восточных писателей. Среди них: а) обширный труд персидского историка Рашида ад-Дина (1247–1318) в 3-х томах: сборник летописей, написанный в самом начале XIV века при Газан-хане из дома Чингисхана на персидском престоле на основании официального монгольского предания и рассказов хранителей и знатоков монгольской старины. Этот труд занимает одно из первых мест среди ученых трудов Востока, так как Рашид-ад-Дин жил в эпоху процветания монгольского могущества и был для того времени глубоко образованным ученым; знал языки арабский, персидский, турецкий, монгольский и еврейский.

Рашид-ад-Дин писал свой труд чуть ли не из первых рук по живым следам великих исторических событий, имел доступ в ханские книгохранилища, где пользовался между другими монгольскими первоисточниками «Алтан дэбтэрэм», не дошедшим до нас. Он был ханским министром в Иране, входившем тогда в состав Монгольской империи;

б) арабская «хроника» Ибн аль-Асира, написанная в Месопотамии;

в) «Насировы таблицы» Джузджани, написанные на персидском языке в Индии 1260 г.;

г) персидская «История завоевателя мира» Джувейни, написанная в 1260 г. в эпоху единства Монгольской империи после посещения автором Туркестана и Монголии, где пользовался монгольскими источниками.

Богатый материал в этом отношении, в том числе и о древней истории монголов и их предков, дают большие китайские государственные хроники, еще далеко не исчерпанные западными писателями. Записки китайских путешественников, современников Чингисхана: генерала Мэнхуна и даосского монаха Чан-Чуня; затем имеется монгольская летопись «Монголун нигуча тобчиянь» («Сокровенное сказание монголов». – *Ред.*). Собственно из монгольских первоисточников до нас дошло только «Сокровенное монгольское сказание о Чингисхане», написанное неизвестным автором в 1240 году. Не дошли до нас столь ценные книги на монгольском языке, как «Алтан дэбтэр», т. е. «Золотая книга царствования Чингисхана», «Джасак»⁶ – кодекс Чингисхана, т. е. сборник постановлений, представляющих кодификацию монгольского обычного права, народных обычаев и воззрений (он сохранился в виде отрывков у чужих писателей). «Билик» – изречения Чингисхана. Они известны лишь по ссылкам на них у восточных писателей. Были у монголов и свои историки, написавшие ряд исторических работ («Алтан-тобчи», «Хухо-дебтер» и др.).

В XVII веке у монголов появился свой историк – Санан-Сецен Хунтайджи. Написанная им книга носит название «История Восточной Монголии и ее правящей династии». Переведена на немецкий язык Я. Шмидтом и издана в СПб. в 1829 году. Она местами описывает деяния Чингисхана («Суту Богдо Чингисхан») в духе богатырского эпоса, но, сличенная с другими историческими свидетельствами, выясняет и дает исторические истины, не схваченные другими, чужими историками Востока.

На европейских языках исторические труды о монголах начали появляться главным образом лишь в последнее время в связи с пробуждающимся интересом к Востоку. Из старых европейских источников по Монголии особенно заслуживают быть отмеченными описания путешествий миссионеров Плано Карпини, Рубрука и известное сочинение венецианского бриллианщика Марко Поло, написанное в XIII веке. Вот что говорит по поводу этого труда И.Я. Коростовец:

«Интересным документом, подтверждающим⁷ европейско-азиатские отношения, является описание путешествия в Китай, оставленное... Марко Поло. Вопреки прежним суждениям, по которым его книга приравнивалась к роману... критика позднейшего времени установила полную достоверность этого труда во многих отношениях»⁸.

И.Я. Коростовец справедливо полагает, что своим сочинением Марко Поло дал толчок европейским исследователям в направлении ознакомления с неведомой дотоле Азией.

Впрочем, это ознакомление первоначально преследовало главным образом утилитарные, т. е. коммерческие цели; только много времени спустя развился в Европе и научный интерес к Азии и азиатским народам. Но именно монгольский народ, который в лице своего вождя Чингисхана проложил прочные пути для этой связи между двумя главными частями Старого Света, долгое время оставался в тени, и можно сказать, что Чингисхан получил в европейской науке как фактор огромного исторического значения должную оценку лишь в последние десятилетия, чему, между прочим, немало способствовали оригинальные и переводные труды русских ученых XIX века. Как-то: архимандритов Иакинфа (Бичурина) и Палладия, И.Н. Березина, В.П. Васильева, Ф. Эрдмана, А.М. Позднеева, В. Бартольда и др.

В 1922 году вышел небольшой, но талантливо написанный труд профессора-монголоведа Б.Я. Владимирцова под заглавием «Чингисхан», который инспирировал автора предлагаемой книги составить доклад на тему «Чингисхан и нашествие монголов в Европу», прочитанный 8 января 1928 года в Белградском университете. Последний, в свою очередь, был использован как материал для настоящего труда.

Чтобы судить о том, какова оценка Чингисхана в современной европейской литературе, приводим в русском переводе нижеследующие, наиболее характерные из имеющихся немногочисленных отзывов о нем на европейских языках:

«В Европе, равно как и в Западной Азии, должен был установиться новый порядок вещей, и та и другая должны были получить сильную встряску, чтобы пробудиться от тяжелого сна, в который они уже начали погружаться. Такой могучий пробудитель... явился в лице Темучина Непреклонного¹⁰ и его преемников, и они же сошли с исторической сцены, указанной им Верховной, правящей миром Волей, как только последняя достигла целей, ради которых она их вызвала. Можно с полным убеждением сказать, что благодаря им и импульсу, данному их завоеваниями, русские и немцы, – одновременно с ними в результате благотворной реакции и прочие западноевропейские нации, – достигли той высокой ступени могущества и просвещения, на которой они стоят в настоящее время»¹¹.

«История монгольского народа начинается... с Чингисхана... Слияние многочисленных и непрочных групп кочевников... непрестанно между собою враждовавших, в единое военное и политическое целое, внезапно возникшее и оказавшееся способным подчинить себе всю Азию, – было делом рук мощной личности Чингисхана. Монгольская эпоха имела глубоко проникающее влияние на историю и культуру азиатского материка¹². Она не только сопровождалась гигантскими военными походами и политическими переворотами, но и дала выход многим культурным течениям, открывшим новые возможности для Востока и Запада. Но так как все созданные монголами и объединенные ими национальности распались¹³, в то время как на Востоке китайская культура, а на Западе ислам сохранили свои позиции, то значение, приходящееся в XIII и XIV веках на долю монголов, впало незаслуженно в забвение... Чингисхан указал цель своим подданным. Вместо гибельных усобиц мелких племен между собою он внушил объединенному им народу идею всемирного владычества. Его жизнь была неизменно посвящена этой одной цели. По проторенным им путям продолжали неуклонно следовать его сыновья и преемники. Дух великого Чингисхана продолжал жить в членах его многочисленной семьи, и именно он вдохнул в свое потомство способность... властвовать не только над их собственным степным царством, но и над завоеванными культурными странами азиатского Востока и Запада. Таким образом, Чингисхан, несомненно, должен быть причислен к величайшим личностям Всемирной Истории»¹⁴.

«Семьсот лет тому назад один человек завоевал почти весь известный мир... Он исполнил человечество ужасом, продолжавшимся в течение многих поколений... Чингисхан был завоевателем более крупного масштаба, чем все известные деятели на европейской арене. Его нельзя мерить общим аршином. Переходы его армии измеряются не верстами, а градусами широты и долготы; на его пути города нередко исчезали без следа, реки отклонялись от своих русел; пустыни наполнялись беглецами и умирающими, и там, где ступала его нога, волки и вороны часто оставались единственными живыми существами в некогда цветущих странах... Тогдашние мусульмане были убеждены, что такое нагромождение ошеломляющих событий могло быть делом рук только сверхъестественного существа. Им казалось, что доподлинно наступил конец света. Неописуемый ужас охватил и христианский мир... когда страшные монгольские владыки после смерти Чингисхана вихрем пронесли над Западной Европой... В церквах пели молебны об избавлении от ярости монголов. Кочевник, круг занятий которого исчерпывался охотой и пастьбой скота, сокрушил могущество трех империй; варвар, никогда не выдавший городской жизни и незнакомый с письменами, составил кодекс законов для пятидесяти народов».

«В области военного гения Наполеон, несомненно, является наиболее яркой звездой на европейском небосклоне. Но нельзя забывать, что одну армию он бросил на произвол судьбы в Египте, остатки другой покинул в снегах России и свою карьеру закончил в Ватерлооском погроме. Его империя пала еще при его жизни, а его сын лишился наследства еще до смерти своего отца. Чтобы найти завоевательный гений, равный Чингисхану, надо обратиться к Александру Македонскому, – благоподобному Александру, наступающему со своей фалангой в страны Востока, неся им блага эллинской образованности. Оба завоевателя умерли на вершине

своей славы, и имена их живут до сих пор в легендах народов Азии. Но события, наступившие после смерти, сравнения уже не выдерживают. Тотчас же после кончины Александра полководцы его вступают в борьбу между собою за обладание его царством, из которого его сын принужден бежать. Между тем сын Чингисхана без всякого протеста вступил в управление его империей от Армении до Кореи и от Египта до Волги, а его внук... царствовал над половиной света»¹⁵.

«Эта империя, как бы волшебством вызванная из ничего, ставила в тупик историков. Последняя изданная история эпохи Чингисхана, составленная английскими учеными, признает возникновение этого царства фактом необъяснимым... Чтобы оценить этого человека, мы должны подойти к нему в условиях обстановки его народа и современной ему эпохи, на семьсот лет предшествовавшей нашей. Мы не можем мерить его меркой нынешней цивилизации»¹⁶.

Часть I

I. Краткие сведения о монголах

Монгольские племена в XII веке, как и сейчас, занимались скотоводством и охотой на зверя; жили они тогда, как живут и теперь, в кошменных кочевых кибитках. Кочевать заставляет их необходимость перемены пастбищ для их скота точно так же, как принуждены кочевать современные нам скотоводы – англичане в Канаде и Южной Африке, американцы в прериях Дальнего Запада, аргентинцы в степях Ла-Платы.

Монголы живут родовым бытом. Делятся они на роды, племена и улусы (народы). Монгольское общество XII века делилось на три класса: степную аристократию, простолюдинов и рабов, которых, однако, не продавали. В то время монголы исповедовали шаманизм; в буддизм в толковании Зонкавы, т. е. в ламаизм, они перешли окончательно во второй половине XVI века при Алтан-хане, начало же проникновения относится ко времени Кубилай-хана, внука Чингисхана.

Профессор В.Л. Котвич различает следующие монгольские народы (см. схему на вкладке), оговариваясь, что название «монгол» известно приблизительно с половины X века¹⁷ и что первоначально присвоено оно было частью народа, «занимавшего пространство от Великой Китайской стены до Байкала: южную часть монголов, соприкасающуюся с границей собственного Китая, т. е. Великой стеной, китайцы называли *белыми татарами*». Они же назывались онгутами. Южные монголы подверглись сильному влиянию китайской образованности. В отличие от южных, культурных монголов, китайцы северных монголов называли *черными* (или лесными) *татарами*.

Что это был за народ и откуда он появился? Во второй половине XII века в районе озер Далай-нур и Буйр-нур кочевали татары, принадлежавшие к монгольскому племени¹⁸. К западу от них по реке Толе жил народ под названием керейт. К западу от него по хребту Алтайскому жило племя найманов. Севернее от татар, керейтов и найманов по р. Онон жило племя под названием собственно монголов. К западу от монголов, к горе Хан-хайу и оз. Байкал жили мергеты (мергиты, меркигы). Между Табан-ула, гор. Саяны и оз. Байкал жило племя лод названием ойраты. Джунгария часто была населена уйгурами, народом тюркского, родственного монголам происхождения, принявшим культуру и письменность, но не от китайцев, а с Запада.

Громадное пространство, состоящее из Восточного Туркестана, большей части Джунгарии и Семиреченской области, также из района озера Балхаш, составляло государство под названием Хара (Кара) – Китай, населенное тюркскими племенами. Сары, кара-китайцы были, вероятно, монгольского происхождения и переселились на Запад в I половине XII века¹⁹.

По характеристике Рэнка, все эти степные народы были «суровой расой всадников и воинов». «Тюрко-монголы не могли не быть всадниками, как жители Средиземноморских стран не могли не быть моряками», – а именно под давлением необходимости, так как бедность и обширность степей заставляли человека гнать свое стадо от пастбища к пастбищу в непрерывном круговороте. Воинами они должны были стать потому, что хорошие пастбища редки и принадлежат сильнейшему.

Если земледелие вырабатывает у народов мирный характер, то скотоводство, а главное охота воспитывает воинственный дух. Находчивость, выдержка, удаль, храбрость у монголов вырабатывались под влиянием главного их занятия – зверовой охоты.

«Отдельные люди и образованные из нескольких людей группы живут только для войны; семейные связи уступают первенство военному братству. У них нет... укрепленных городов, но составляются воинственные, вечно кочующие дружины; несколько таких дружин, случайно

собравшихся около какого-нибудь прославившегося знамени, кладут основание временному государственному образованию. У этих людей нет ни семейств, ни оседлости, но у них есть вождь и знамя. К этому можно еще прибавить коня – истинного боевого товарища; на нем они живут и с ним умирают. Это раса, состоящая исключительно из воинов, несравненных и никем не превзойденных»²⁰.

Еще за много веков до Чингисхана эта степная раса из Средней Азии, составлявшей ее колыбель, распространилась по широкой полосе материка, приблизительно заключающейся между 50-й и 35-й параллелями северной широты, от Ляодунского залива до Дуная, по временам образуя обширные государственные образования, впоследствии распадавшиеся. Одним из таких образований на крайнем Востоке явилось в 1125 году по Р. Х. могущественное государство Цзинь – «Золотое царство» (по-монгольски Алтан), в состав которого входили современная Маньчжурия и завоеванный Северный Китай с южной границей, иногда доходившей до Голубой реки, – государство, которое, естественно, в значительной степени усвоило китайскую культуру.

Из истории государства Цзинь впервые узнаем о монголах, но эти сведения о них, предшествующие появлению на сцене Чингисхана, имеют все-таки характер легенд, не поддающихся точному расшифрованию ни по персидско-турецким, ни по китайским и монгольским источникам последующих эпох. Так же трудно разобраться и в имеющихся сведениях о борьбе между отдельными монгольскими и тюркскими племенами, предшествующей слиянию их в один народ. В биографии самого Чингисхана, как она изложена в различных сохранившихся первоисточниках, встречается довольно много противоречий, и полную историческую достоверность события его эпохи приобретают лишь со времени провозглашения его императором на гурултае в 1206 году.

Однако при отсутствии точных сведений о многих подробностях эпохи, предшествующей Чингисхану, общий характер ее все-таки может быть восстановлен. Таким образом, например, известно, что со времени своего основания государство Цзинь подвергалось частым набегам соседних кочевых воинственных племен. По отношению к ним цзиньцы употребляли единственное верное средство, выработанное долгим опытом искусной китайской политики: одно племя натравливалось на другое, и таким образом подавлялось могущество отдельных племен и устранилась возможность их объединения.

Эта политика оказалась надежнее Великой Китайской стены, сооруженной против кочевников к югу от пустыни Гоби и по горам²¹.

В XII веке, действуя согласно этой политике, цзиньцы подняли татар против монголов, и могущество последних (достигшее наибольшей высоты при его вожде Кабул-кагане, объединившем племена, называвшиеся черными татарами) пало.

Но к моменту появления у монголов Чингисхана сами татары уже становились опасными для цзиньцев, почему последние стали всячески помогать монголам для того, чтобы подавить могущество татар.

В такой политической обстановке суждено было появиться на исторической арене человеку, который, начав с восстановления значения своего родного племени монголов, сумел распространить его господство далеко за пределы его прежнего влияния.

II. Темучин

«Если взглянуть на карту Старого Света, то видно, что между двумя полюсами цивилизации – Китаем с Индией на востоке и греко-романским миром на западе – простирается связующая лента в виде длинной полосы тюрко-монгольских народностей...»

«Стоит только образоваться государеву, которое... соберет воедино эти... народы, и оно станет для цивилизации и для международных сношений обязательным посредником между Востоком и Западом».

«Итак, великие собиратели монгольской расы будут иметь в виду две цели: во-первых, объединить в одно государство все единокровные народы – от тюркских племен... бассейна р. Лао до мадьяр Дунайской равнины; во-вторых, связать между собою цивилизации восточную и западную, организовать и охранять пути обмена, от которых они же первые будут извлекать выгоды; быть верховными арбитрами и посредниками между двумя половинами Старого Света».

«Об этом мечтал еще Александр Великий; несомненно, тот же план лелеял и Аттила... может быть, таковы же были планы Бонапарта; наверное, к той же цели стремились и русские самодержцы XVIII–XIX вв.».

«Приступить к этой исполинской задаче и “железом и огнем” довести ее до конца суждено было в XIII веке Чингисхану»²².

Темучин, будущий Чингисхан, родился в феврале 1155 года²³ на берегу р. Онон, в урочище Делюн-Болдок²⁴, носящем и по сие время это имя. Отцом его был Исугей-багатур, относительно биографии которого имеющиеся источники расходятся в подробностях, будучи, впрочем, согласны в том, что он был человеком знатного рода, – степным аристократом, пользовавшимся в своем народе известным значением и репутацией храбреца (как показывает самое прозвище его «багатур» – богатырь)²⁵:

По Рашиду ад-Дину и Санан-Сецену, Исугей-багатур был избран своими друзьями и двоюродными братьями главой своего рода Киют-Борджигин и родственного главного рода Нирун. Он имел еще трех братьев, их общим отцом был Бартан-багатур, который был сыном славного Кабул-хана. Родоначальником Чингисхана в двенадцатом колене считался Бюрте-чонос (что значит «бурый волк»), женатый на Гоа-марал («прекрасная лань»). Познание своей генеалогии до седьмого и выше колена в обычае монголов и по сие время, что понятно при родовом быте; малыми детьми из «уст родителей они знакомятся с происхождением и историей своего рода и племени. Исугей-багатур был храбрый удалец: вел много войн с другими монгольскими племенами, особенно с татарами, а также и с войском цзиньским. Слава о нем распространилась широко, и имя его было почитаемо и произносилось с уважением во всей Монголии²⁶.

Рождение Темучина, первенца в семье, сопровождалось замечательными предзнаменованиями. Вот что говорится по этому поводу в монголо-китайской официальной летописи Юаньши («Сокровенное сказание»).

«Исугей-багатуром был предпринят поход против племен Та-та-эр (китайская транскрипция слова татар), причем взят в плен глава этого племени Те-му-чэн. Одновременно его главная жена родила “императора” (так называет летопись Чингисхана во все периоды его жизни). У него в руке оказался крепко зажатый ком крови, подобный красному камню. В память одержанного успеха (совпавшего с днем его появления на свет) родившийся ребенок был назван именем взятого в плен Те-му-чэна»²⁷.

Когда Темучину исполнилось 9 лет, Исугей с сыном поехали по обычаю монголов сватать ему невесту в дальний род (во избежание браков в близких степенях родства). По пути они повстречались с другим вождем племени Дай-Сеченом²⁸, который, узнав цель их поездки, предложил заехать в его стойбище и посмотреть его дочь, красавицу Борте. Причем Дай-Сечен

сказал Исугей-багатуру следующее: нынешнюю ночь приснилось мне, будто я в виде белого (общего) кречета держу ворона, изображающего сульде Кийут-Борджигин (т. е. видел родовое знамя Чингисхана), пойдём ко мне, у меня есть девятилетняя дочь Борте, я ее отдам, если понравится. У нас ведется издревле такой обычай»²⁹.

Родителям взаимно понравились их дети, и они обменялись по обычаю подарками; после этого оставалось только ожидать их совершеннолетия (14–17 лет) для свадьбы в предположении, что за это время обрученные успеют хорошо узнать друг друга и обдумать предстоящий им шаг³⁰.

На обратном пути Исугей-багатур был отравлен татарами, коварно заманившими его к себе под предлогом какого-то пиршества. Отравы подействовала не сразу, и он умер несколько времени спустя по возвращении домой. Темучин остался 9 лет в семье из матери и двух братьев. Ввиду такого малолетства наследника Исугей-багатура подвластные последнему люди бросили Темучина и откочевали. Умная и энергичная мать его, Оелун-эке («мать-облако»), схватила знамя своего покойного мужа и, погнавшись с немногими оставшимися ей верными людьми за ушедшими, большинство их уговорила вернуться, но не надолго, так как у монголов не дано владеть родом женщине.

Окончательно брошенная семья оказалась в тяжелом положении. Почти весь принадлежавший ей скот был угнан неверными вассалами. Темучин с братьями для пропитания семьи охотился за сурками и барсуками. Часто приходилось питаться и растительной пищей, не имея мяса на вареве, что у монголов считается крайней бедностью. Но в такой бедственной обстановке закалялся характер будущего воина и великого завоевателя. Впрочем, и при жизни его отца весь быт семьи монгольского кочевника, хотя бы и аристократа, отнюдь не способствовал развитию изнеженности.

«Выносливость была первым наследством, полученным Чингисханом... На молодом Темучине лежало много обязанностей. Мальчики в семье должны были ловить рыбу в реках во время перекочевок от летних к зимним пастбищам, табуны находились под их попечением, и они обязаны были, носясь верхом по степи, разыскивать отбившихся животных, а также разведывать новые места, пригодные для пастбы. Они же несли сторожевую службу, зорко следя, не появляется ли на горизонте шайка мародеров, и при этом не одну ночь проводили без огня в снегу. По необходимости они приучались оставаться в седле по несколько суток подряд – нередко без пищи»³¹.

Как повествует нам монгольское «Сокровенное сказание», мать Темучина знала много «древних слов». Наступившее для семьи после смерти мужа убожество не подорвало ее душевных сил. Она поняла, что будущность ее детей зависит от воспитания их соответственно их происхождению и положению среди степной аристократии. Она воспитывала их на богатырском эпосе, на ближайших историях монгольских ханов: их прадеда, славного Кабул-хана, и его сына знаменитого Хотул-хана, которому Исугей-багатур приходился племянником. Она внушала своему первенцу, что его настоящее скромное положение только временное, что он, когда подрастет, обязан вернуть семье ее прежний блеск, что он должен готовиться отомстить роду тайчиут³², который покинул семью Исугея после его смерти, а также что он обязан воздать должное и татарам, убийцам его отца.

Все это ложилось на душу Темучина, обратившегося тем временем в молодцеватого и даровитого юношу, его враги начали опасаться, что из него выйдет в будущем багатур, способный отплатить им за перенесенные в детстве унижения. И в самом деле Темучин уже начал сознавать растущую в нем силу. Он твердо помнил, что отец его был властелином 40 000 кибиток, что по преданию предок его Кабул-хан не побоялся дернуть китайского (цзиньского) императора за бороду, а также что Исугей-багатур был названным братом находящегося еще в живых Тогрул-хана, могущественного вождя керейтов³³.

Тайчиуты решают, что этого подрастающего опасного соперника необходимо, пока еще не поздно, устранить. Их вождь Торгултай, тоже потомок рода Борджигина, объявляет себя властелином земель, когда-то занятых Исугеем (это были лучшие земли для пастбищ – между реками Керулэйом и Ононом), и начинает безжалостно преследовать молодого Темучина.

Началось это с внезапного нападения вооруженной толпы на его стойбище; Темучину удалось было бежать, но он был настигнут и взят в плен, из которого спасся только чудом. На него была надета тяжелая колодка, охватывавшая шею и запястье обеих рук, и в таком беспомощном состоянии он был оставлен в поле под присмотром часового. Ночью, воспользовавшись оплошностью последнего, Темучин оглушает его ударом колодки по голове и, добежав до р. Онон, скрывается в ней по шею в воде, пока погоня не миновала. Один из преследовавших по имени Сорган-Шира, отстав от остальных, заметил торчавшую в камышах голову Темучина и сказал ему: «Вот именно за такие твои способности тайчиуты и ненавидят и боятся тебя, говоря, что у тебя огонь в глазах и свет в лице. Ты посиди так, я тебя не выдам». Когда опасность миновала, этот преданный человек разбил колодку и отпустил Темучина домой.

Однажды у семьи Темучина воры угнали восемь лошадей-аргамаков, составлявших почти все ее богатство; он пустился в погоню и по пути встретил молодого человека, который с большой охотой присоединился к нему. Им вдвоем удалось благополучно отбить ночью украденных лошадей. Когда на обратном пути Темучин заехал к отцу своего нового знакомого Нагу-баяну, чтобы поблагодарить его за оказанную его сыном услугу, Нагу-баян сказал: «Вы оба молоды, будьте всегда друзьями и впредь никогда друг друга не покидайте». Темучин исполнил завет старика. Этот первый вассал был Богурчи, впоследствии один из первых полководцев и вернейших сподвижников будущего Чингисхана; так ценил Темучин верность и преданность в людях. Вообще же способность его быстро приобретать друзей сослужила ему большую службу в его возвышении.

Приведенные эпизоды оказали большое влияние на развитие характера Темучина. Он почувствовал себя уже мужчиной, способным защищать свое добро от разбойников, а себя от обиды, а потому имеющим право на положение главы семьи, в которой до тех пор главенствовала его мать. Он уже не был всеми брошенным отщепенцем; богатства, правда, еще не было, но зато были признавшие его авторитет удалыцы-братья, стрелок Касар и силач Бельгутей, а также новый вассал – Богурчи, что создавало ему положение степного аристократа, влиятельного удалыца, хотя пока без людей и рабов.

Темучин вырос в юношу высокого роста, крепкого телосложения, с большими блестящими глазами; в нем уже развились черты характера: выдержка; он умел ждать и терпеть и настойчиво стремиться к достижению поставленной себе цели, что уже показал в свои молодые годы. Черта властности также выявлялась ярко в нем. Нрав у него был крутой, но эта черта уравновешивалась обаятельностью личности, создавшей преданных ему людей. При всем том он не был словоохотлив и начинал говорить не иначе как после зрелого размышления.

Вот как характеризует Темучина и его окружение этого периода Гарольд Лэм: «Ни Темучин, ни преданные ему молодые храбрецы не были людьми мелкой души. В характере самого Темучина было глубоко заложено великодушие и чувство благодарности к тем, кто ему верно служил... Он был приучен к тому, чтобы хитростью уравновешивать коварство своих врагов, но слово, данное им кому-нибудь из своих, никогда им не нарушалось. “Несдержанность своего слова, – говаривал он в позднейшие годы, – со стороны правителя является гнусностью”»³⁴.

К данной характеристике можно еще добавить, что Темучин был чужд порочных склонностей. Самой сильной страстью его была зверовая охота, влечение к которой выявилось у него еще смолоду и которой он предавался в обществе братьев и сверстников. Эта страсть сохранилась у него до самой смерти. При дележе добычи после охоты он обнаруживал строгую справедливость и требовал того же и от других³⁵.

III. Женитьба Темучина и его мировоззрение

Возмужав таким образом телом и духом, Темучин решил жениться. Несмотря на происшедшую в положении семьи со времени смерти его отца перемену, он поехал с братьями к сосватанной ему еще его отцом Исугеем-багатуром невесте Борте. Брак действительно состоялся, причем в качестве свадебного дара молодая привезла мужу ценное одеяние из черных соболей, представлявшее для неимущего Темучина чуть ли не целое состояние.

Он признал эту минуту удобной для возобновления дружеских сношений с Тогрул-ханом, названным братом («анда») своего отца. Подвластные Тогрул-хану племена занимали в то время земли в бассейне реки Толы (или Тулы), на которой стоит современная Урга. Темучин в сопровождении братьев отправился в ставку этого могущественного по тому времени повелителя керейтов, напомнил ему об узах, связывавших его с покойным Исугеем, просил разрешения в память тех сношений называть себя сыном Тогрул-хана и в заключение поднес ему по монгольскому обычаю подарок. Подарок этот состоял из той самой собольей шубы, которая так кстати была подарена ему самому его молодой женой.

Тогрул-хан остался доволен вниманием, согласился признавать себя названным отцом Темучина и обещал ему свое содействие в случае нужды. С помощью своего нового покровителя Темучину удалось постепенно собрать под свою власть значительную часть своего рода, покинувшего его после смерти Исугея, и таким образом стать во главе небольшой дружины.

Но еще до этого вскоре после вступления Темучина в брак его стойбище подверглось нападению трех родов северного племени меркитов, сородичей того вождя, у которого восемнадцать лет тому назад была похищена Исугеем его жена Оелун-эке, мать Темучина. Нападение было так внезапно, что сам Темучин едва избежал плена, но Борте оказалась в руках налетчиков. Немного времени спустя с помощью своего названного отца ему удалось отбить ее, и хотя он не мог быть уверен, что рожденный ею после похищения ребенок был в действительности его сыном, почему первенец его, Джучи, не пользовался особенным расположением отца, но к жене своей Борте он в течение всей своей жизни относился с чувством неизменной преданности и привязанности. У него были дети и от других жен, но все сыновья от Борте были действительными спутниками его исторической жизни, в то время как остальные жены и дети являются, по словам Лэма, не более как «пустыми именами в летописи»³⁶.

Как было выше сказано, государство Цзинь старалось ослаблять своих кочевых соседей, сея между ними раздоры и междоусобия. В исторический момент, о котором идет речь, цзиньский император, признав, что в результате означенной политики его северо-западные соседи, когда-то могущественные татары, достаточно ослаблены, решил окончательно сокрушить их вооруженной рукой, пригласив к участию в предстоящем походе Тогрул-хана, с тем чтобы он ударил в тыл татарскому войску, в то время как с фронта оно будет связано цзиньской ратью.

Темучин, рассчитывая воспользоваться этим случаем для отмщения татарам за смерть своего отца, сумел склонить Тогрул-хана к согласию на сделанное цзиньцами предложение, приняв сам в качестве союзника керейтского вождя деятельное участие в открывшейся кампании.

Татары были разбиты наголову цзиньцами и монголами; вожди их были захвачены и перебиты, а племя окончательно лишено самостоятельности и поделено между монгольскими племенами. Татары остались навсегда в подчинении у монголов и дошли до России в монгольских войсках Батыя³⁷, внука Чингисхана, откуда и пошли ходячие выражения «нашествие татар», «татарское иго» и т. п.

В числе причин, содействовавших этому первому крупному военному успеху Темучина, необходимо отметить тщательную тайную разведку, заблаговременно по его распоряжению

произведенную во вражеской земле и войске. С этого времени такая разведка становится неизменным элементом успехов монголов во всех последующих ведённых ими войнах.

За помощь, оказанную цзиньцам в походе на татар, Тогрул-хан и Темучин получили почетные звания: первый от цзиньского императора титул Ван-хан; второй от цзиньского министра Ченсяна, ведавшего пограничными делами, звание чжаохэдэи, что по объяснению комментаторов древних источников означает «полномочный степной комиссар на границе». По этому поводу необходимо заметить, что род Темучина номинально всегда признавал над собой сюзеренную власть цзиньского императора и что сам он как дальновидный политик до поры до времени мирился с этим подчинением, будучи доволен и тем, что в данном случае разом обработал два дела: оказал услугу своим мнимым, но все же сильным повелителям и покончил с заклятым и опасным врагом.

В походе против татар Темучин познакомился со многими вождями и, начальствуя над организованным уже, хотя и немногочисленным войском, имел случай проявить свои военные дарования. К этому же периоду его жизни относится его вторичная встреча со своим сородичем и другом детства Джамугой. Еще с того времени они считались названными братьями. Джамуга был человек умный, энергичный, пользовавшийся немалым влиянием среди своих сородичей. После этой встречи дружба молодых людей возобновилась и они решили жить в одном стойбище, что и продолжалось полтора года.

За это время из обмена мыслями со своим другом и с иными видными представителями монгольской аристократии у будущего Чингисхана окончательно выработалось в основных чертах его мировоззрение. В то время как Джамуга интересовался судьбами простого монгольского народа и все больше проникался демократическими идеями, у Темучина сложилось строго аристократическое мировоззрение. Его властная натура стремилась к владычеству, почету и авторитету среди монголов, которых он, правда, мечтал возвеличить и прославить победами, но под водительством лучших людей народа и с ним самим во главе как преемником славных Кабула и Хотула ханов³⁸.

Эти его мечты явились не по внезапному наитию: они были издавна взлелеяны в тайниках его души. Надо заметить, что Темучин был человеком глубоко религиозным, верующим в предопределение Вечно Синего Неба – Мёнке-Кёкё-Тенгри. Он видел перст Провидения в том, что жизнь его два раза была спасена, по его мнению, чудом. Первый раз это случилось, как мы видели, при избавлении его из рук тайчиутов; другой раз он таким же чудесным образом спасся при вышеупомянутом нападении, произведенном на его стойбище меркитами, когда была уведена его жена. Он тогда ускакал на гору Бурхан-Халдан и укрылся в чаще, где его тщетно искали триста погнавшихся всадников. Когда опасность окончательно миновала, Темучин девять раз преклонил колена, принося Мёнке-Кёкё-Тенгри свою благодарность за чудесное избавление и избрал эту гору-спасительницу местом своего последнего упокоения, что и было исполнено после его смерти.

В «Изречениях» Чингисхана, о которых будет подробно сказано в главе VI, приведен еще третий случай чудесного спасения его от смертельной опасности. . . «Прежде того, как сел я на престол царства, – говорится там от его лица, – однажды ехал я один по дороге: шесть человек, устроивши засаду на проходе места, имели покушение на меня. Когда я подъехал к ним, я, вынув саблю, бросился в атаку. Они осыпали меня стрелами, но ни одна не коснулась меня. Я предал их смерти саблей и проехал невредимо»³⁹.

Кроме того, большую роль в развитии мировоззрения будущего Чингисхана сыграли разные распространенные среди монгольского народа, живо помнившего свое славное прошлое, поверья, предсказания и т. п. о появлении в скором времени вождя, который должен восстановить блеск монгольского имени. Эти циркулировавшие слухи доходили, конечно, и до Темучина и усиливали в нем веру в его предопределение. Об одном из таких предсказаний его

сподвижник, знаменитый впоследствии полководец Мукали, довел до сведения Темучина в следующих выражениях:

«Вот под этим развесистым деревом, где ты с Джамугой пировал победу над татарами, когда-то так же веселился Хотула, последний хан из рода монголов; их могущество после того пало от татар. Но Вечно Синее Небо не может покинуть своего возлюбленного рода монголов, который ведет начало от него самого. Из рода монголов должен опять выйти богатырь, который объединит и соберет все монгольские племена, станет могучим ханом и отомстит всем врагам. Этим ханом должен быть Темучин; он, Мукали, чувствует такое определение Вечного Неба; молва об этом уже идет, говорят так и старые люди. Все уверены, что с помощью Вечно Синего Неба Темучин станет ханом и вознесет род свой. Пойди и возьми мир!»⁴⁰

Такие речи подтверждали внутренний голос Темучина, что именно он, а не кто-нибудь иной должен по велению Неба вознести монгольский народ на недостижимую высоту. Таким образом мы видим, что в умах монгольского общества того времени создались условия для появления гениального вождя и полководца. История почти всех великих людей подтверждает подобные же совпадения, так, например, Французская революция дала Наполеона. Тот гений, кто раньше других осознает «хотение» народа, оформит его, тому суждено повести за собой нацию, которая выявит свое историческое лицо. Появление гения совпадает именно с периодом громадного накопления духовной или физической энергии нации, в своей экспансии могущей залить мир либо светом ума или духа, либо силой физической, как мы видим в данном случае истории монголов XIII века во главе с гениальным Чингисханом.

С подобными убеждениями Темучин должен был разойтись с Джамугой, приверженцем идей демократических. «Сокровенное сказание о Чингисхане» так рассказывает об этом важном факте в монгольской истории:

«Темучин и Джамуга поднялись со своего стойбища для перемены пастбища их скота. При выборе нового места для стойбища Джамуга заметил Темучину: “Ныне, если мы остановимся у горы, то пасущие коней достигнут юрты; если подле потока, то пасущие овец и коз достигнут пищу для своего горла”. Темучин с его родными растолковали эти слова следующим образом: под “пасущими коней” Джамуга имел в виду богачей, имеющих табуны, и вообще высший класс, степную аристократию, а под “пасущими овец и коз” он подразумевал “карачу” – простой народ, к которому Джамуга сам тяготел сердцем и душой⁴¹. Темучин после этих слов Джамуги решил окончательно порвать дружбу с ним и, не останавливаясь с ним вместе стойбищем у потока, пошел кочевать дальше к горе».

Этот разрыв послужил как бы сигналом для разделения монгольских племен и родов с их вождями на два противоположных лагеря. К Темучину прикочевало много вождей и аристократов со своими людьми; между ними были и потомки славного Кабул-хана, а также сын последнего монгольского хана, знаменитого Хотула – Алтан. Они признали Темучина своим вождем, хотя были и знатнее, и богаче его, в надежде, что Темучин в благодарность за оказанное ему внимание явится послушным орудием в их руках. Впрочем, большинство примкнувших к Темучину вождей сделали это не по эгоистическим соображениям, а потому, что видели в нем идеал степного богатыря: он был огромного роста, строен, представительен, богатырского телосложения; за ним установилась репутация существа, которому и в жизни, и в битвах покровительствует Вечно Синее Небо; он обладал и ораторским даром, которым, по словам «Сокровенного сказания», умел воспламенить сердца людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.